

НАТАЛЬЯ
НЕСТЕРОВА

Выйти замуж

Наталья Нестерова

Выйти замуж

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121415

Выйти замуж : [повесть] / Наталья Нестерова: АСТ, Астрель;

Москва; 2015

ISBN 978-5-17-090247-7

Аннотация

Ну какая женщина не надеется встретить мужчину своей мечты? Редким счастливицам это удастся с первой попытки, многочисленные золушки годами ищут своих принцев, а Люся Кузьмина прислушивалась только к голосу сердца и никогда не боялась перемен. Сногсшибательной красавицей ее бы никто не назвал – средний рост, тонкая талия, вьющиеся русые волосы. Если бы в юности ей предсказали жизнь, полную удивительных любовных приключений, она бы ни за что не поверила. Но видно, в небесной канцелярии что-то перепутали – и вывалили на Люсину голову целый ушат невероятных романтических знакомств...

Содержание

Пролог	5
Шапка, или Муж номер один	8
Я вам пишу, или Муж номер два	26
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Наталья Нестерова

Выйти замуж

© Н. Нестерова, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Пролог

Сидим с Люсей в скверике, пасем внуков. Мы в том возрасте, когда нас еще принимают за матерей, а не за бабушек. Особенно при недостатке освещения или когда хотят грубо польстить. Я жалуясь Люсе, что мои книги не печатают.

– А ты напиши про мою жизнь, – советует она.

– В Книгу рекордов Гиннеса? Если роман – никто не поверит.

Моя школьная подруга Люся, в девичестве Кузьмина, была замужем пять раз. Не два – хорошо, что жизнь устроилась; не три – право, подозрительно; не четыре – экая спортсменка. А пять! И, смею вас уверить, Люся – не побрякушка легкомысленная, а женщина целомудренная, строгих правил. Единственное объяснение брачных приключений моей подруги – ошибки в работе небесной канцелярии. Там, видимо, перепутали какие-то документы, и пришлось Люсе отдуваться за пятерых.

– Только не пиши про разводы, алименты и дележ имущества, – говорит она как о решенном деле. – Этого добра у всех хватает. И без описаний природы!

– Чем тебе природа не угодила?

– Зло берет, – возмущается Люся, – страницы на три разведут про осень, как листочки кружат и падают, а герои еще даже не поцеловались. Психологией тоже не увлекайся,

от нее в сон клонит. Гони одни факты и разговоры.

– Диалоги? – уточняю я.

– Да. Про нос напишешь? – вздыхает она. – Тогда талию и бюст тоже отрази. Помнишь, какая у меня была талия? Меньше, чем у Людмилы Гурченко.

По трем приметам: большому носу, высокой груди и тонкой талии – вы бы легко опознали Люсю в начале семидесятых. Откуда гены грузинско-абиссинской носатости занесло в орловскую деревеньку хрустально русским Люсиным родителям – совершенно неясно. Но факт был на лице, и относилась к нему Люся с покорностью: «Всю жизнь мне с косыми общаться. Уставятся на мой нос, а у самих глаза съезжаются к переносице – ни дать ни взять косые».

Но! Если у девушки крупный нос – картошкой или полу-бубликом – соседствует с маленькими глазками, ей дорога или в старые девы, или на стол к хирургу. А если эта громадина разделяет большие выразительные глаза, ничего фатального. Люсины глаза – зеркало не ее души, а вашей. Весело вам – они смеются, горе у вас – они печалются. А ведь нет ничего приятнее, чем разделить радость с хорошим человеком или переложить на него свои проблемы.

Выдающийся бюст был, мне кажется, у Люси всегда. Может, она и родилась сразу с молочными железами рекордсменки вскармливания? Во всяком случае, я помню, что еще в младших классах, когда у нас, ее подружек, грудная клетка была равноплоска спереди и сзади, Люся уже носи-

ла предметы женского туалета. На уроках физкультуры Люси́на грудь двумя лампочками, прикрученными к стене, выступала из хлопчатобумажного строя костлявых подростков. Со временем этот недостаток плавно перешел в большое женское достоинство. Тем более, что высокая грудь у Люси располагалась не в пяти сантиметрах над пупком, как это часто бывает у бюстообильных женщин, а на расстоянии достаточном, чтобы увидеть и оценить осиную талию. Более никаких особенностей в Люсином облике не было. Рост средний, волосы русые, немного вьющиеся. Училась она между «хорошо» и «удовлетворительно», ближе к «удовлетворительно». И если бы тогда, двадцать с лишним лет назад, кто-нибудь сказал нам, что ее ждут невероятные приключения и пять мужей, Люся была бы первой, кто покрутил пальцем у виска – с ума ты сошел, предсказатель.

Шапка, или Муж номер один

Мечтательностью или болезненным честолюбием Люся никогда не отличалась. Единственной ее романтической слабостью было желание стать артисткой. Безо всяких на то оснований, добавлю. Драматических талантов у нее никогда не наблюдалось, но и каких-либо других к окончанию школы не обнаружилось.

В театральный институт Люся провалилась на первом же туре. Как на грех, она подхватила перед экзаменом насморк, и ее без того нехрупкий носик покраснел и раздулся, в нем накрепко застревали все согласные звуки и искажались гласные.

Могу себе представить членов приемной комиссии, перед которыми Люся совершенно серьезно, старательно и проникновенно читала монолог Катерины из пьесы Островского «Гроза».

«Подему дюдю не дедают?» – гнусавила Люся.

Народные и заслуженные артисты дослушали ее до конца. Потешались, конечно. И потом неделикатно заявили, что в этом году на комедийные амплуа набора нет.

Люся устроилась работать младшим диспетчером на большую автобусную станцию в районе Измайлово. И поступила на вечерние подготовительные курсы в строительный институт. Ее родители, отец-монтажник и мать-бухгалтер, состоя-

ли в какой-то загадочной организации, которая направляла наших рабочих за рубеж. Для простого обывателя это было равносильно членству в отряде космонавтов.

Люсин отец в подпитии хвастался, что его анкета чиста, как слеза ребенка. И он очень боялся, как бы Люся не выскочила замуж за иностранца или даже просто не завела знакомство с каким-нибудь шоколадным негром. Эти страхи Люсе внушили еще в колыбели, а она была девочка послушная, поэтому всю жизнь немела и каменела при общении с иностранцами. И смотрела на них с затаенным ужасом: вот сейчас ее будут принуждать или родину продать, или броситься в крошечный буржуазный разврат.

В описываемое время Люсины родители строили что-то в братской Монголии. И именно оттуда прислали ей отличную ондатровую шапку. Тогда только начиналась мода – носить женщинам мужские шапки-ушанки. Кроме того, ондатровые или пыжиковые головные уборы были своего рода символом, отличавшим управляющий класс от управляемого, гревшего макушки кроличьими треухами. Шапкой Люся очень дорожила. У нее было еще добротное зимнее пальто с капюшоном, отороченным мехом лисицы.

Именно так она и была одета, когда возвращалась как-то поздней ночью с вечеринки домой.

Почти все сиденья в вагоне метро были заняты – прощальный скребок с перронов. Старые поезда оборудовались пружинисто-мягкими сиденьями – настоящими диванами, оби-

тыми кожзаменителем. Как и ныне, с вагонами метро периодически что-то происходило – они начинали трястись, а пассажиры подпрыгивать на своих местах. Только теперь мы приземляемся во время скачков на жесткую поверхность скамьи, а прежде резонансно покачивались на пружинах – в зависимости от законов физики и массы собственного тела.

Неполадки с подвижным составом случились и в тот раз, когда Люся ехала домой. Она наблюдала, как забавной волной – просто детский аттракцион – пассажиры подпрыгивали на своих местах. Неожиданно погас свет. Скачки продолжались в темноте. В момент, когда амплитуда достигла высшей точки, с Люси сорвали шапку. Через секунду включился свет, и поезд перестал сотрясаться.

Казалось, ничто не изменилось, все сидели на тех же местах. Поезд мчался. Но шапки не было. На Люсе не было – ондатровое сокровище красовалось на голове парня, который сидел рядом и весьма правдоподобно притворялся спящим.

Люся задыхнулась от возмущения, издав звук, похожий на легкий храп. Парень по-прежнему «дремал», даже веки у него не дрожали. Поезд остановился, в вагон вошли новые пассажиры. Еще два перегона Люся лихорадочно думала, что ей делать. Заяви она сейчас вслух, что этот парень ее обворовал, – ведь никто не поверит, скажут: видели шапку на молодом человеке, а она – авантюристка, к людям пристает. Люся вспомнила советы женщин на работе: пришей

к шапке резинку. Хороша бы она была в ушанке и с резиночкой под подбородком. Теткам что – у них шапки-шарики из песцовых хвостов, такую бы этот подлец не стащил, не нахлобучил себе на голову.

– Следующая станция – «Комсомольская», – бодро объявил динамик.

Люся представила, что вот сейчас она выйдет, поплетется домой, а ворюга останется с ее замечательной шапкой. И она ничего не может сделать? Вот так просто и уйдет?

Решение пришло в последнюю минуту. Обдумывая Люся операцию заранее, планируй каждый шаг, наверное, ничего бы не вышло. Но тут она действовала экспромтом и молниеносно. Радио уже предупредило, что двери закрываются, когда Люся вскочила и с криком: «Так будет справедливее!» – сорвала с вора свою шапку и бросилась к выходу.

Парень очнулся и рванул за ней. Но не успел: двери хлопнулись прямо перед его носом – как в кино, когда хороший герой убегает от плохих преследователей.

Ловко обрубив «хвост», Люся сделала ручкой перекошенному лицу ворюги и направилась к эскалатору. Надеть шапку она почему-то побоялась и прижимала ее к груди.

Настроение у Люси было преотличное. Так случается: потеряешь дома десять рублей (в старом исчислении), ищешь, ищешь – и вдруг находишь. Ничего не убавилось, не прибавилось, а на душе радостно.

Уже у выхода на улицу кто-то тронул ее за плечо:

– Девушка, у вас шапка упала в капюшон. Осторожно, потеряете.

По инерции все еще победно улыбаясь, Люся закинула руку за спину и выудила из капюшона шапку. Свою. Точно такую же, как та, что она сорвала с парня.

Утром в диспетчерской после Люсиного рассказа о происшедшем народ отчаянно веселился. Водители задерживали отправление автобусов, выхватывали друг у друга путевые листы с криком: «Так будет справедливее!»

– Вам смешно, – вздыхала Люся, – а я девушка честная, мне чужого не надо. Лучше бы совет дали, как этого парня найти.

Но советы сводились к тому, как приодеться открытым Люсей способом. Прямо сценарий разработали: кто вагон раскачивает, кто свет отключает.

– Люся, следующий этап – шарфик. Для тренировки, отработки метода. Потом и за шубку можно приниматься.

– С сапогами будут сложности. Как за две секунды справедливо стянуть сапоги?

Наконец одна добрая душа посоветовала Люсе дать объявление в газету.

Текст составляла я. Каталась по дивану и придумывала один смешнее другого. Но Люсе уже надоело потешать народ своим грехопадением, и она призвала меня к порядку.

– Все равно не напечатают, – уверяла я подружку.

Но ведь напечатали! В те времена частные объявления

появлялись только в одной газете – рекламном приложении к «Вечерней Москве». Заметьте, никаких сомнительных предложений о массажах или призывов к знакомству. Только сдам-сниму квартиру и пропала собака. Очередь нужно было занимать с семи утра, хотя редакция открывалась в десять. Люся отпросилась с работы и честно промерзла три часа на улице, пока страждущих не стали запускать в маленькую комнату.

Когда Люся протянула в окошко листок, на котором значилось: «Молодого человека, у которого при странных обстоятельствах пропала шапка, просят позвонить по телефону...», на нее посмотрели как на шпионку, назначающую встречу связнику. Пришлось рассказать о своем несчастье. Сначала девушке-приемщице (слушали еще два десятка человек), потом ее начальнику (и группе его товарищей).

Поэтому я не удивлюсь, если вы уже слышали эту историю, передающуюся из уст в уста и переносящуюся на колеса междугородних автобусов. Но продолжения наверняка не знаете.

Объявление опубликовали. В день выхода газеты Люся, уходя на работу, строго наказала бабушке:

– Когда позвонит этот парень, чью шапку я утащила, дай наш адрес и попроси прийти после семи.

О бабушке Ане, в миру Бабане, надо сказать особо. Ее выписали Люсины родители, уезжая за границу. Бабаня всю

жизнь прожила в глухой – сто верст до ближайшего асфальта – деревушке. Она была очень симпатичной, чистой и тихой старушкой. Люся сводила бабушку в парикмахерскую, где Бабане отрезали седую косицу и закудрявили химическую завивку. Дома Люся развела в тазике синие чернила и уговорила новоиспеченную горожанку «для благородности» ополоснуть волосы в этом растворе. Затем Люся перекроила несколько старых юбок, купила бабушке белые, от пионерской формы, блузки, спорола с них погончики, желтые металлические пуговицы заменила перламутровыми. Под воротник она цепляла бабушке пластмассовую камею. Бабаня, правда, все норовила носить камею на месте ордена или медали.

Словом, пока Бабаня не раскрывала рта, она выглядела как старомосковский гимназический реликт. Единственным, к чему старушка не могла привыкнуть в столичной жизни, был телефон. Когда раздавался звонок, она пугалась, потом медленно поднимала трубку и... молчала. На том конце народ надрывался вопросами, чуя по сопению чье-то присутствие, но Бабаня была – могила.

– Ты что, по телефону никогда не говорила? – удивлялась Люся.

– Так нет, чего же, – неопределенно мямлила Бабаня.

– Ладно, – успокаивала бабку внучка, – давай стирать границу между городом и деревней. Запомни: отвечаешь «да» или «алло», а дальше тебе будет все понятно. Очень просто!

Если меня нет, спроси, что передать.

Бабаня переборолла себя и стала резко выкрикивать, под-
няв трубку:

– Что передать?!

– Да не спеши ты, – уговаривала ее Люся. – Сначала «ал-
ло», потом «здравствуйте», а затем уж основной текст.

– Здравствуйте! Квартира! – выпаливала Бабаня.

Или еще:

– Здравствуйте! Москва!

А однажды она заявила Люсиному главному диспетчеру:

– Здравствуйте! Третий этаж!

– Какой? – не понял тот.

– Третий! Что передать?

К тому времени, когда Люся нечаянно украла шапку, Ба-
баня уже несколько освоилась с телефоном, но все равно его
не любила. Люся пригрозила:

– Если будешь отвечать не по листочку, что я тебе напи-
сала, меня посадят за воровство.

Вечером после работы Люся заскочила в кондитерский
и купила торт – подсластить покаяние перед потерпевшим.

Только Бабаня открыла дверь, Люся сразу спросила:

– Пришел?

– Сидит на диване. Курит. Пьянь.

– Тише ты, – зашептала Люся. – Почему пьянь?

– Руки трясутся. Пиво просил.

«Да бог с ним, – подумала Люся, – лишь бы ворованное

отдать». Но было досадно: так искала, а он – алкоголик.

Когда Люся вошла в комнату, с дивана поднялся невысокий мужичонка: испитое лицо, дрожащие суетливые руки. Одет плохо – грязно, мято. И пахло от него перегаром, табаком и тем, что витает в тамбурах старых пригородных электричек.

– Я очень рада, что вы нашли, – сразу начала оправдываться Люся. – Так нелепо все получилось. Я сейчас все объясню. Когда погас свет в вагоне, вы помните. Хотя нет, вы же дремали. Так вот, моя шапка упала в капюшон.

Люся говорила, рассматривая потерпевшего, и он никак не походил на то, что ей запомнилось. Собственно, ей ничего не запомнилось. Тогда в метро она видела только профиль, да еще так нервничала, что не сообразила выделить особые приметы. Когда же дверь перед парнем захлопнулась, то его лицо пришлось прямо на стык дверей. Но ростом он был выше, определенно выше.

Люся несколько сбавила темп оправдательного монолога, потом вообще замолчала, задумалась. В это время раздался звонок в дверь. Она пошла открывать.

На пороге стоял парень лет двадцати. Он оглядел Люсю с ног до головы и так мерзко ухмыльнулся, словно она была воровкой со стажем, а не случайно оступившейся. «Нахал», – подумала Люся и спросила:

– Вам кого?

Нахал перегнал в уголок рта спичку, которую жевал,

и процедил:

– Шапка у тебя?

По комплекции и росту этот визитер походил на потерявшего.

– Проходите, – сказала Люся.

В комнате она спросила новенького:

– Вы меня помните? Правда, вы спали...

– Когда это я с тобой спал? – оскалился тот.

Люся обиделась:

– Я, конечно, виновата, но, пожалуйста, без пошлостей.

Тем более, что есть еще один претендент, а я вас... или его... не запомнила.

– Какой еще претендент? Гони шапку! – грубо бросил нахал.

– Извините, – вежливо сказал алкоголик, – я первый пришел.

– Да хоть нулевой. Ты свое получила? – ухмыльнулся спичкожеватель. – Отдавай чужое.

– Подождите, – Люся поджала губы, – сейчас разберемся.

Сейчас не получилось, снова раздался звонок в дверь. Люся бросилась в прихожую: юный очкарик в куцей куртенке.

– Прошу прощения, я по объявлению насчет пропавшей шапки.

– Бабаня!!! – заорала Люся, не отрывая взгляда от новенького.

– Чего? – выглянула из кухни старушка.

– Ты мне ничего не сказала! Сколько человек звонило?

– А я считала? Целый день: трень-брень.

– Проходите, – затравленно пробормотала Люся очкарику.

Он вошел и устроился на диване рядом с алкоголиком. Люся стояла перед ними и лихорадочно соображала, что же делать. Нужно проводить дознание.

– При каких обстоятельствах пропала ваша шапка? – спросила она первого.

Тот не успел ответить, как грубо вмешался нахал:

– Слушай, дева, если мы здесь будем выслушивать обстоятельства твоего промысла, времени не хватит. Оно у меня казенное. Клиент ждет.

– Какой клиент? – не поняла Люся.

– Твой.

– А, в том смысле, что я у вас... Нет, понимаете, это произошло нечаянно...

– Да не интересуется меня твоя заблудшая душа, – опять перебил нахал. – Давай шапку!

– Какая у вас была шапка: цвет, мех? – разозлилась Люся.

– Ну, ондатровая, рыжая.

– Верно, – воодушевилась Люся. – А все-таки: при каких обстоятельствах она пропала?

– Хочешь, чтобы я рассказал? – ухмыльнулся парень.

– Конечно.

– Ты привела клиента домой, он был здорово под граду-

сом и забыл шапку.

– Что?! – не поняла Люся. – Я вас сюда привела?

– Да не меня, шефа. Он внизу в машине ждет. Нечего время тянуть и спектакли устраивать. Не таких артисток видали.

До Люси наконец дошло, за кого ее принимают. Сначала она задохнулась от возмущения, потом гордо задрала свой орлиный носик и процедила:

– Ошибаетесь. Таких – не видали. Мне с вами говорить не о чем. Это не ваша и не шефа шапка. До свидания. Прошу вас уйти, мне еще с товарищами разобраться надо.

– Чай пить-то будете? – вошла с вопросом Бабаня.

– Нет, – ответила Люся.

– Да, – вставил алкаш.

– С удовольствием, – поддакнул очкарик.

– Ну ладно, – смирилась Люся, – только этот, – она ткнула пальцем в нахала, – пусть уходит. Это точно не его шапка.

Бабаня, Люся, алкоголик и очкарик выстроились боевой линией и оттерли парня в прихожую.

– Да ну вас! – махнул он рукой. – Связываться с чокнутыми. Пусть сам разбирается.

Гости с удовольствием набросились на Люсин торт, особенно усердствовал юный очкарик. Пока Люся разливала чай, она думала о том, что будет тактически неверно раскрыть историю своего падения самой. Надо грамотно провести допрос.

– Какая у вас была шапка? – спросила она алкаша.

– Ондатровая, рыжая.

– А где вы ее потеряли?

– В метро.

«Это они уже знают, не подходит», – подумала Люся и попросила:

– Расскажите, как все было.

– Я заснул.

– А дальше?

– Дальше не помню.

– Что же вы так? – расстроилась Люся.

В дверь снова позвонили. Люся со вздохом поплелась открывать. Прибыли гражданин преклонных лет, по всей вероятности развратник-шеф, и какой-то молодой человек.

– Вы по объявлению? – быстро спросила Люся того, что помоложе.

Он кивнул.

– Проходите. А вы, наверное, тот самый клиент, который присылал сюда своего адьютанта?

– Совершенно верно, шофера.

– Послушайте, вы же видите, что это совсем другая квартира и я вовсе не та самая... Вы просто теряете время.

– Все-таки позвольте, – бесцеремонно протиснулся в прихожую греховодник.

В комнате он принялся озираться по углам, очевидно пытаясь что-нибудь вспомнить, но, судя по лицу, это ему не удалось, и он решительно занял место на диване. Новенький па-

рень встал у окна.

– Совершенно не понимаю, зачем вы пришли, – сказала Люся шефу. – Шапка не ваша, и вам я ее не отдам. Это начальник того нахала, – пояснила она присутствующим.

– Я посижу, – упрямо сказал шеф.

Люся пожала плечами и спросила алкоголика:

– Значит, вы больше ничего не помните? А станция метро какая?

Алкаш беспомощно сморщился и отрицательно покачал головой.

– Какая станция? – спросила Люся очкарика.

– Не помню, не здешний, из Воронежу я, – ответил тот и потянулся за последним куском торта.

– А на вас были тогда очки?

– Нет, кажется, не было, – ответил он, жуя.

– Размер уточните, – посоветовал шеф.

– Что? – переспросила Люся.

– Размер шапки. У меня – пятьдесят восьмой.

– А у вас? – спросила Люся алкоголика.

– Не знаю.

Очкарик тоже не знал своих параметров, а данные шефа принимать во внимание не следовало.

Парень, который стоял у окна, участия в разговоре не принимал. Он только улыбался и, казалось, наслаждался всем этим представлением.

– Мы в тупике, – констатировала Люся. – Может, бросите

жребий?

– Только без этого. – Очкарик кивнул в сторону шефа и громко потянул чай из чашки.

– Минуточку! – засуетился старый развратник. – Насколько я информирован, у девушки есть чужая шапка. Истинного владельца установить не удастся.

– Но уж это точно не ты. – Алкаш заискивающе покосился на Люсю, словно прося оценить комплимент.

Шеф в свою очередь принялся внимательно рассматривать пьяницу и в конце концов строго потребовал:

– Ну-ка, дай свой паспорт!

Алкаш безропотно вытащил из кармана потрепанную книжицу.

– Так, так, – пробормотал шеф, листая ее. – А что, если мы сейчас позвоним куда следует и выясним, где ты провел ночь? В вытрезвителе, верно? Шапку какую там оставил, кроличью? Говори честно, у меня в машине есть бутылка «Столичной». Если не соврешь – твоя.

– Да я думал, раз ничья, – заюлил алкаш.

– Вам все понятно? – спросил шеф Люсю и повернулся к очкарику: – Теперь вы, молодой человек. Значит, Москвы вы не знаете. Ну а в каком часу у вас пропала шапка?

– Вечером.

– Точнее, – попросила Люся.

– Около семи.

– Как не стыдно! – возмутилась хозяйка. – Зачем вы при-

шли?

– Но я правда потерял шапку! Вязаную, сунул в карман, а она выпала где-то.

– И это вы называете «при странных обстоятельствах»? – попенял шеф.

– Да уж, по странности с вами никто не сравнится, – огрызнулся очкарик. – Между прочим, просили прийти молодого человека. А вы-то?

– Подведем итоги, – объявил шеф, не обращая внимания на выпад. – Девушка, никто из присутствующих здесь владельцем найденной шапки не является. И вероятность, что вы его найдете, ничтожна. Я вам предлагаю разумный выход из положения. Вы потратили свое время, деньги на объявление, торт. Сделаем так: вы отдаете шапку мне, я плачу за нее тридцать рублей. Это почти вдвое больше, чем она стоит на базе, и расходимся с миром.

– А мне бутылку! – напомнил алкаш.

– Молодой человек, – шеф кивнул на очкарика, – у вас неплохо подкрепился, так что ни у кого обид не будет.

– Никаких сделок я совершать не буду, – отрезала Люся, – и шапку вам не отдам.

Она вдруг сообразила, что истинный потерпевший может обнаружиться только завтра или послезавтра. А если она отдаст им шапку, даже по жребию, что делать потом? Своей жертвовать? Вместо двух ушанок ни одной!

– Уходите, господа хорошие, – попросила она.

Никто не тронулся с места.

– А чего мне бутылка только? – спросил вдруг алкоголик.

Он, видно, сообразил, что за шапку может получить больше, чем одну поллитровку.

– Я все-таки шапку потерял, – буркнул очкарик, – а эта не ваша.

На лице шефа тоже проступила агрессивная решительность.

«Драться будут, – испугалась Люся. – Еще этот у окна, здоровый такой». Она оглянулась. Парень усмехался, переводя взгляд с нее на диван, где сидели претенденты.

– У меня сосед милиционер, – соврала Люся.

– Девушка, отдайте шапку по-хорошему, – поднялся шеф.

– Разыгрываем так разыгрываем. – Алкаш тоже встал.

– Я в Воронеж специально не поехал, задержался, – присоединился к ним очкарик.

Четверо злых мужиков в квартире, против нее и Бабани. Тут не только чужую шапку отберут, а и своих вещей недо считаешься. Или костей...

Люся сочиняла на ходу:

– Мне сосед-милиционер посоветовал, если объявление не поможет, сдать шапку в милицию. Я уже и заявление написала.

– И что вы там написали? – спросил парень у окна.

Все развернулись к нему.

– Как с мирно спавшего человека сорвали шапку на стан-

ции метро «Комсомольская»? – улыбался молодой человек.

– Во дает! – изумился алкаш.

– Воровка, – хмыкнул шеф.

– Наводчица, – вставил очкарик.

Люся и истинный потерпевший их не слушали.

– Я даже сначала не понял, что вы там закричали. Мне потом люди объяснили, вроде о какой-то справедливости. Ничего себе справедливость! Мне эту шапку на Севере подарили. Я служил под Мурманском. Наш старшина шил эти шапки офицерам, ну и на продажу. Внутри, кстати, тряпочка пришита с надписью: «Другу Володьке на голову и на память».

– Она совсем истерлась, – пробормотала Люся. И потом вдруг добавила: – Вам торта не досталось...

Володька стал Люсиным мужем номер один. Не сразу, конечно, но после довольно скоротечного периода ухаживания. И увез ее в город Калугу. Люсиным родителям ее брак был не по душе. Но через год, когда родился Димка, они смирились.

Я вам пишу, или Муж номер два

В Калуге Люся прожила четыре года. Последний – практически в разводе с Володькой. Его, кстати, никто иначе и не называл, только уничижительной формой имени. Возможно, они бы и не расстались никогда, если бы Володька не пил. У многих ведь бывает: пожар влюбленности плавно переходит в годы спокойного тления, мирного сосуществования, совместного воспитания детей и разумного накопительства.

Володька был хорошим парнем. И все. Хороший парень – и точка. Ни особых талантов, ни увлечений, ни чужинки, ни смешинки – ну просто ничего. Хозяин он был посредственный, то есть не тянул добычу в дом, не рвался благоустраивать квартиру или заводить дачу.

Я, по молодости максималистка и любительница хлестких определений, называла его бескрылым вегетарианцем. Почему-то вкладывала значение: серый, приземленный, травоядный.

Но когда Володька выпивал, он впадал в патетически воодушевленное настроение, чувствовал себя героем, всемогущим и все умеющим, широкой натурой и отчаянным смельчаком. По сути же, он превращался в хвастуна и болтуна, возбужденного своими несуществующими подвигами и бредовыми планами. Подвиг в прошлом у него был только

один – потеря и находка шапки, а заодно и жены. Каждый раз, хмелея, он вспоминал эту историю. Ее наизусть знали старые собутыльники, а новые активно просвещались. Трезвый, он обещал жене больше не рассказывать о ее нечаянном воровстве, но, как только выпивал, снова заводил единственную пластинку.

Люся злилась, пыталась отвадить его от водки. Ничего у нее не выходило. Да и просто ли вытащить человека из блаженного мира грез на пыльные улицы будничных обязанностей? Как последнее средство, Люся выгнала Володьку на житье к свекрови, чтобы одумался. На момент нового витка в жизни Люси он одумывался уже полгода.

Однажды вечером после работы Люся вытащила из почтового ящика вместе с газетой четыре письма. «Ух ты!» – удивилась она и подумала об ошибке. Кроме родителей, которые в то время работали на стройках дружественного Египта, ей никто не писал. Правда, еще Бабаня присылала четыре раза в год открытки – на Восьмое марта, майские, октябрьские, Новый год – с пожеланиями здоровья, счастья и чистого неба.

Но все письма были предназначены ей: Люся успела, поднимаясь в квартиру, рассмотреть свое имя на конвертах. Обратные адреса ей ровным счетом ничего не говорили. Заинтригованная, она быстро покормила Димку ужином и отправила к Хрюше и Степаше за вечерним мультиком.

– А сегодня только тетя Валя, – пожаловался сын из ком-

наты.

– Давай, давай смотри! – крикнула ему Люся и распечатала первое письмо.

Здравствуйте, дорогая Люда (хотя вы, наверное, не Люда, имя свое изменили, что естественно). Я решил написать вам, потому что очень хорошо понимаю ваши чувства и настроения.

Люся, уже двадцать с лишним лет по паспорту Людмила, в свою очередь ничего не понимала. Она перевернула листок и прочла подпись: «*Николай Клычков, город Североморск*». Где находится Североморск, Люся представляла себе смутно, никакого Клычкова она не знала.

Чтобы вам стало ясно, что это не просто слова, – читала она дальше, – несколько слов о себе. Пять лет назад после неудачного прыжка через небольшую лужу у меня была травма – трещина голени. Гипс наложили плохо, ногу сдавили, началась гангрена, и в итоге ампутация – до середины икры. Пока лежал, заболел пневмонией, потом аллергическая реакция на антибиотики. Словом, вернулся с того света. Вот вам наша медицина. Но я не о ней.

«О ней» Люся немного знала – работала в регистратуре детской поликлиники. «Ничего себе залечили», – посочувствовала она.

Сколько было пережито бед и разочарований, – писал инвалид Коля, – не перескажешь Но главное – я

не отчаивался, хотя мысли, которые посещают вас, ко мне тоже приходили.

«Откуда ему знать мои мысли?» – удивилась Люся. Она дочитала до конца – пожелания найти себе увлечение, например чеканка по металлу, и предложения выслать литературу и рекомендации, если ее, Люсю, это занятие заинтересует, – и так ничего и не поняла. Выстукивание по железкам было так же далеко от Люсиных интересов, как и вырезание поплавков, которое предлагалось в качестве альтернативного средства.

Она открыла второе письмо, подписанное неразборчиво.

Людка! Брось хандрить и держи хвост пистолетом! Вспомни еврея из старого анекдота: приходит он к раввину, жалуется, что, мол, сил нет жить, теснота, тот советует – заведи козу; завел – совсем стало невмоготу; снова приходит к раввину, а он ему – убери козу; убрал – и сразу полегчало. Так что, голуба, заведи козу или, еще лучше, выйди замуж за еврея. Тогда никакой хандры не будет – это точно. Привет!

Замужем Люся уже была. Правда, не за евреем, а за слесарем. А сейчас она пребывала в состоянии легкой и тайной влюбленности в завполиклиникой Евгения Федоровича.

В третьем письме от неведомой Тани Рудиной из Чебоксар речь как раз шла о любви.

Призвание женщины, – писала она, – в высоком чувстве обожания любимого. Вы растворяетесь, вся

до остатка, в нем, в единственном. Вас уже нет. Вы – это он, а он – это вы.

Люся в Евгении Федоровиче никак не растворялась, он даже не знал, что может быть этакой щелочью для Люсиных клеток. Просто он был веселый, шумный, пить умел не дурая, не то что Володька.

Чтобы испытать высшее наслаждение, – учила Таня из Чебоксар, – нужно полностью отдаться своему чувству. Пусть оно несет вас, как морские волны, куда-то в синюю даль. Закрыв глаза, смело отдайтесь воле стихии.

– А потом о камешки – шмяк, – пробормотала Люся.

Я желаю вам счастья, – заканчивала влюбленная Таня. – Желаю стать Вселенной с единственным Солнцем – вашим избранником!

– И тебе того же, – сказала Люся и принялась за последнее письмо.

Оно запутало ее более всего. Кандидат физико-математических наук В. М. Кобень из Москвы на трех страницах тесного машинописного текста сначала излагал роль самоубийств в истории человечества, затем описывал несколько способов, наиболее безболезненных, с его точки зрения, как проститься с этим самым человечеством. Он давал список лекарств, «которые можно принять на ночь», и их дозы, нарисовал чертеж, как вязать веревку, чтобы наверняка повеситься. В конце кандидат признавался, что все эти иссле-

дования проводил во время приступов суицидальности, подобных Люсиному, но они, как правило, проходили во время научного поиска.

Это письмо нагнало на Люсю страху, и она легла спать с Димкой. «Где же эти идиоты взяли мой адрес?» – терзалась она.

На следующий день Люся взяла письма на работу, чтобы показать подружке Валентине и посоветоваться. Но так и не вытащила конверты из сумки – неловко было признаться, что ей ни с того ни с сего пишут какие-то умалишенные.

Вечером ее ждали еще семь писем. Сжав руку хныкающего Димки, она с опаской вошла в квартиру и проверила имущество. Если знают адрес, то и влезть могут! Люся чувствовала себя мышью, которую накрыли стеклянной банкой.

Два письма были от мужиков, желавших завести с ней амурные отношения. Один настойчиво подчеркивал серьезность намерений, другой – предупреждал об их невозможности. И оба просили прислать фото, измерить рост, бюст, талию.

– Фигу вам! – заявила Люся и показала кукиш холодильнику.

Следующее письмо прислал ветеран из Омска. Языком выступления на пионерской линейке он рассказывал о своем участии в войне и в восстановлении народного хозяйства. Ветеран стыдил Люсю непонятно за что и призывал читать писателя Николая Островского, чтобы не было мучительно

больно за бесцельно прожитые годы.

У Люси навернулись слезы. Не оттого, что свои двадцать два она считала бесцельно прожитыми, а от недоумения и обиды: за что на нее навалились?

Еще одно письмо было от студента философского факультета МГУ. О смысле жизни, как он трактуется великими умами прошлого и понимается в примитивно-бытовом восприятии. Люся смысла жизни никогда не искала. Своею она была недовольна, но не настолько, чтобы с нею покончить. А корреспонденты настойчиво уличали Люсю в желании свести с нею, с жизнью, счеты.

Отбросьте хмурое настроение, – уговаривала добрая душа из Крыма, – радуйтесь каждому прожитому дню, весне и осени, солнцу и снегу. Вы – часть мироздания и не вправе распоряжаться данным вам свыше.

Примерно об этом же, но с упоминанием Бога через слово писали члены какой-то секты и предлагали вступить в их ряды.

Восьмиклассница из Ленинграда что-то, видно, перепутала и на двух листах в клетку убеждала Люсю, что надо жить, чтобы есть, а не есть, чтобы жить. И для этого, мол, мужества требуется больше.

Как всякий здоровый человек, поесть Люся любила, но без мужества, а чтобы вкусно было.

Письма продолжали приходить. Каждый день Люся брела

к почтовому ящику, как на заклятие, надеясь, что ее помянут, перестанут писать. Но не тут-то было! В неурожайный день она вынимала конвертов пять, а когда корреспонденты подналегали, то и полтора десятка. И чем больше они угоривали ее радоваться жизни, тем тоскливее Люсе становилось.

В один из дней она получила большой конверт из коричневой бандерольной бумаги. Участливый психолог-любитель делился теорией собственного изготовления, которая с успехом заменяла все системы аутотренинга и помогала воспитать волю вдали от врачей-психиатров.

«Давно ты, видать, у них не был», – подумала Люся и принялась читать.

В школьной тетради помещался первый лечебный курс, рассчитанный на месяц. Упражнения были расписаны по дням и часам, характер их зависел от индивидуальных особенностей практикующего. Вначале требовалось уяснить себе, что более всего противно слышать: скрип двери, свист мокрого пальца по стеклу, писк радиоприемника. Особо рекомендовалось царапать вилкой по дну сковородки – три раза в день по полчаса. Кроме того, советовалось по двадцать минут перед зеркалом обзывать себя последними словами, гусиным перышком вызывать рвоту и усилием воли ее подавлять, внимательно читать все надписи в общественных туалетах.

От проклятых писем Люся худела и дурнела лицом.

Она стала грустной, невнимательной и рассеянной на работе. На улице озиралась, на прохожих смотрела с подозрением: не этот ли ей пишет. Поймала себя как-то на мысли, что сочиняет самой себе письмо от Евгения Федоровича.

Подруга Валентина решила, что Люся затосковала без мужика. Она-то и подговорила супруга явиться с мировой.

Володька, почти трезвый, забрал сына из детского сада. Димка по дороге спросил:

– Папа, сегодня ты письма читать будешь?

– Какие письма, сынок?

– Из ящика. Мама каждый день получает. Во сколько!

Когда Люся пришла домой, сизый от гнева Володька читал второе письмо. В каждой партии было несколько посланий от «женихов», как Люся называла претендентов на ее руку, точнее, тело. Эти письма, да еще от самых бесстыдников, очевидно, Володьке и попались. Глядя на Люсю, бывший муж не находил от возмущения слов и только хрипел:

– Шлюха! Ну, шлюха деловая!

– Да успокойся ты. – Люся устало махнула рукой.

– Значит, ты теперь это? Деловая? Этим занимаешься?

Не ожидал.

Володька схватил стопку писем:

– Клиентов выписываешь? Свербит? – Он бросил взгляд на один из конвертов и ахнул: – И бабы! Извращенка!

– И деды! – огрызнулась Люся. – Знал бы ты...

– Знаю, знаю, – угрожающе поднялся Володька. – Я тебя,

гадину, убью!

– Убьешь?! – закричала Люся. – Давай убивай, а то они меня все уговаривают руки на себя наложить, а я, видишь, живу! – Она распахнула кухонный шкаф, где лежали послания, и стала их пачками швырять в Володьку: – Сволочи! Подлецы! Петельки мне рисуют! Любви отжаться зовут! Смысл жизни! Чтоб вы подошли со своим смыслом! Подавитесь своими советами!

Истерика у Люси прошла быстро. Накричавшись и наплакавшись, она все рассказала Володьке.

– Так разобраться надо, – сказал он обескураженно.

– Как разобраться-то?

– Перечитать все, сопоставить.

– Нет, – Люся испуганно затрясла головой, – не могу я их больше читать, лучше вилкой по сковородке.

– Чего? – испугался Володька.

– Да так, писал тут один, как характер закалять.

Оттого что заплакалась, а главное – поделилась своим несчастьем, Люся повеселела. Она с удовольствием посмотрела с сыном «Спокойной ночи, малыши», а потом одна – «Кинопанораму».

Володька читал письма на кухне. Временами хохотал, иногда ругался. Один раз прибежал в комнату и сказал, что, если попадется письмо «жениха» из ближайшего района, он поедет к нему с ребятами ломать ноги и другие конечности. Было уже за полночь, когда он позвал Люсю.

– Все. Я понял.

– Что понял?

– Смотри, вот здесь: «как вы писали в своем письме в газету...» – и тут: «я тоже думала написать в газету, и ваше письмо моими словами...» и так далее. Ты что, писала в газету?

– Я? В жизни даже заявки на радио не писала.

– А могла бы. Когда меня в прошлом году на переподготовку призывали. Песню передать.

– Ладно тебе, вспомнил. Кто же это мне удружил?

– Надо выяснить, какая газета, найти письмо, сличить почерки.

– Ну, ты прямо Штирлиц, – похвалила его Люся.

Впервые за много дней кошмар стал немного рассеиваться. Да и переживать его вдвоем было легче. Володька тут же учуял перемену в настроении Люси. И решил закрепить успех.

– К матери через весь город не поташусь, заночую у тебя, – объявил он.

Газеты просматривали в городской библиотеке. Вычислили: раз пишут со всех далей и весей – значит, центральная, дата – за неделю от первого письма. Дело шло медленно. Они часто задерживались на какой-нибудь статье, изучали, их культурный уровень резко повысился. Люся на работе пересказывала: «В „Известиях“ писали... в „Комсомолке“ была заметка...»

Письмо нашел Володька. Оно было подписано «Людмила К., город Калуга» и ведало о жестокости и эгоизме окружающих, их неспособности понять чужие проблемы и равнодушии. Глубоко разочарованная Людмила К. не видела иного выхода, как покончить с этой мучительной жизнью.

Непонятным оставалось, почему эта отчаявшаяся особа взяла Люсин адрес, о котором было сказано, что он находится в редакции.

– Не дрейфь, разберемся, – успокоил Володька жену.

Он переживал второй звездный час, даже про ворованную шапку на время перестал талдычить.

Люся же думала о том, как плохо быть самостоятельной, то есть одинокой. Мужская голова – не последнее дело в быту. Когда женщина распускает нюни и впадает в панику, мужчина трезво (даже если он вечно хмельной) оценивает ситуацию.

Володька почти переехал в бывшее семейство и умело прятал бутылку с водкой в сливном бачке над унитазом.

Евгений Федорович броситься с Люсей в океан любви не спешил, зато, по наблюдениям медперсонала поликлиники, был не прочь поплескаться в мелком ручейке с новенькой лаборанткой.

В один из дней Володька взял отгул и, прихватив сумку с письмами, отправился на электричке в Москву.

Здание газеты он нашел быстро, но, войдя в него, оробел:

пройти нужно было мимо милиционера, которому все показывали пропуска. «Деловые! – возмутился Володька мысленно. – Как считаешь, что пишут, – свои ребята, за нас болеют. А сами заслон от народа поставили».

Володька вышел на улицу и направился в гастроном напротив. Там он быстро нашел компанию и принял стакан портвейна. Из пустого желудка вино ринулось прямехонько в голову и растворило нерешительность.

Снова войдя в здание, он подошел к дежурному и распахнул сумку.

– Что же это делается? – спросил Володька.

– Что? – лениво откликнулся постовой.

– Пишут неизвестно кому. То есть известно – моей жене.

Видишь сколько?

– В какую редакцию? – так же лениво спросил милиционер.

Володька назвал.

– В отдел писем?

– Ага, – обрадованно кивнул Володька, сообразив, что что-то наклеывается.

Постовой задержал пропуск девушки в громадных – блюдцами – очках:

– Тут товарищ в вашу редакцию. Не проведете?

– К кому? – насторожилась очкастенькая.

– В письма, – пояснил Володька.

– Пойдемте, – согласилась девушка.

В лифте ехали молча. «Деловые, ну деловые». – Любимое словечко одиноко билось в Володькином мозгу.

– Вам направо, вторая комната, завотделом Сергей Кривососик, – блеснули очки.

– Спасибо, – поблагодарил Володька. Он постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, вошел. – Мне Кривососика, – сказал он сидевшему в кабинете парню.

– Носика, – ответил тот.

– Чего? – растерялся Володька.

– Кривоносик моя фамилия.

– Извини, спутал, – сказал Володька и принялся выкладывать письма на стол.

Сергей Кривоносик наблюдал за его действиями без интереса, как повар за кипящим бульоном.

– Все! – сказал Володька. – Забирайте. И требую публично извиниться перед моей женой. На первой странице.

– За что? – поинтересовался завотделом.

– Так ей безвинно пишут всякие ненормальные...

На середине Володькиного монолога Сергей вдруг простонал:

– Ляля!

– Кто? – переспросил Володька.

– У нас работает в регистрации. Такая... – Кривоносик нарисовал в воздухе большую гитару. – Но дура-а! Редкая дура! Пошли.

В коридоре Сергея схватила за руку пенсионного возраста

тетенька, одетая под старшеклассницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.